

Козлов Алексей
Самоорганизация

14.10.05

14 ЛЮДИ И ПОЛОЖЕНИЯ
Дентон на гриле и лазанья из ананаса

Как принимали и чем угощали в Москве принца и принцессу Кентских

15 ВРЕМЯ И МЕСТО
С удовольствием по жизни

Как Владимир Набоков запечатлел для истории дебют Лучано Паваротти

23 АКЦЕНТЫ НЕДЕЛИ
Моды, внушающие оптимизм

Недели haute couture в Москве появляются, исчезают, меняют статус и названия. Но после нескольких лет бурного роста виришь и вкось в море хаоса появилась надежда на стабильность

24 СТИЛЬ ЖИЗНИ
Город, пахнущий ладаном

Несколько часов езды в промерзшем вагоне — и Курск примет тебя, отогреет и заставит выбросить из головы все, что там держать не следует

Interpone tuis interdum gaudia curis

НГ АНТРАКТ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «НГ» №28 (145), 14 ОКТЯБРЯ 2005 г.

+ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

С компьютером и саксофоном

Алексей Козлов продолжает экспериментировать

Независимая пресса - 2005 - 14 окт. - с. 1315.

Вера Цветкова

Он делал только то, что ему хочется. Он стоял у истоков первого в СССР джазового клуба-кафе «Молодежное» и создал первый в СССР профессиональный джаз-рок ансамбль «Арсенал». Он писал музыку к фильмам, цирковым и театральным постановкам. У него были авторские передачи на радио и телевидении. Он ведет серьезные исследования по истории джаза. Входит в жюри престижной российской премии «Триумф». И по-прежнему играет. На саксе. Все это — легендарный Алексей Козлов. Вчера ему исполнилось 70.

Алексей Семенович, вы стали символом времени, и не этого, которое на дворе, а несравнимо, на мой взгляд, лучшего. Рожденные в 30-х — мое любимое поколение. Это блестящее поколение — как некая компенсация за бесчисленное множество погибших в то мирное время...

— Вы не упоминали про еще одно поколение, так называемое «разбитое», которое составили те, кому перед началом войны

Зиновий Гердт, Владимир Харитонов, которые, пройдя через войну, так и не стали «разбитыми»...

— Ну а ваше поколение?

— Мое поколение, названное «шестидесятниками», получило возможность беспрепятственно учиться уже в мирное время. А на грани 50-х и 60-х, на волне короткой хрущевской оттепели мы хлебнули призрачной свободы и напряглись, как пружина, когда начался откат к сталинизму. Отсюда и результаты.

— Подозреваю, что публика считает вас мэтром джаза, и только. И зеркалом, так сказать, российской джазовой эволюции. Но вы ведь занимались не одной музыкой, а много еще чем...

— Действительно, мне в жизни приходилось заниматься многими вещами помимо музыки. Еще студентом я каждое лето работал практикантом на стройках, осваивая разные профессии — каменщика, сварщика, прораба. После окончания Архитектурного института никак не хотел становиться служащим и сидеть на работе с девяти до пяти. Я уже вкусил радости играть джаз, но о такой профессии, как джазмен, никто тогда и не мечтал. Это были ранние 60-е, но, по сталинской традиции, нас продолжали считать если не врагами народа — вражеским элемен-

— И какой вы нашли выход из этой ситуации?

— Я стал подыскивать удобную и интересную для себя работу. Случайно узнал о научно-исследовательском институте, связанном с новым видом деятельности — дизайном. Это был ВНИИ технической эстетики. Я пошел туда, предъявил свой диплом архитектора, и меня приняли в штат отдела по науке. А тем, кто занимался научными исследованиями, можно было ходить на работу всего два раза в неделю. Остальные дни считались библиотечными. Это меня вполне устроило.

— И как развивалась ваша карьера дальше?

— По мере службы во ВНИИ-ТЭ я начал осознавать, как мне повезло. Работа не только не препятствовала моим занятиям джазом, она позволяла мне расширить познания в самых разных областях — от философии и психологии до истории материальной культуры. Именно тогда у меня и развилась та жажда знаний, которая не оставляет меня и по сей день. Я вошел в круг замечательных людей и постепенно втянулся в научно-исследовательскую деятельность, став в один ряд с пионерами в области отечественной теории дизайна. Я поступил в аспирантуру и написал диссертацию по истории и принципам проектирования часов, которая была обречена на провал, поскольку в ней я выявил многие недостатки советской часовой промышленности.

— А чем еще, кроме проектирования часов, вы там занимались?

— Темы были самые разнообразные. Например — «Модель творческой деятельности дизайнера», которая требовала изучения психологии творчества. Или «Проблемы прогнозирования материальной среды»... Мне тогда пришлось прочитать все, что относилось к утопической литературе, к антиутопиям, к футурологии и вообще к истории дизайна. Чтобы отчеты были действительно научными, часами просиживал в Библиотеке Ленина — в течение четырнадцати лет.

— Вам это что-то дало как музыканту?

— Я втянулся в процесс получения знаний как наркоман. Постепенно я осознал, что все это отнюдь не мешает мне в музыкальном творчестве, а наоборот — помогает.

Есть упоение в игре.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

Если вокруг жлобский ад, то общение с единомышленниками особенно ценно

было 16–17 лет, кто ушел на фронт и остался жив, а главное — выжил в послевоенные годы и не просто выжил, а состоялся по большому счету. В английском языке есть понятие «битники», а у Джека Керуака даже есть рассказ «Джаз разбитого поколения». Я помню, как после войны происходило странное, непонятное детскому уму явление — у нас на глазах начали спиваться участники войны, не нужные никому...

И я, помнящий войну ребенком, всегда преклонялся перед такими личностями, как Андрей Эшпай, Петр Тодоровский,

том... Идти работать музыкантом в советский эстрадный оркестр или в ресторан было противно. Вдобавок за мной уже охотилась милиция как за тунецем, поскольку я уклонился от распределения после окончания института. Проектная организация, куда я был направлен, подала на меня в суд за неявку на работу. Нарушив все советские законы, мне удалось оформить трудовую книжку, чтобы устроиться играть в кафе «Молодежное». Но долго так продолжаться не могло, к тому же очень переживали за мою судьбу родители...

Работая во ВНИИТЭ, я несколько раз менял стили джаза — от бибоба к авангарду и, наконец, к джаз-року. Когда в 1973 году я создал «Арсенал» и стал хиппи, для меня настало время испытаний. Я попал «под колпак» гораздо более серьезный, чем прежде. Но во ВНИИТЭ меня не трогали, несмотря на мой резко изменившийся внешний вид. Я уже был ветераном и пользовался определенным авторитетом в мире советского дизайна. Был избран членом ученого совета, членом редколлегии журнала «Техническая эстетика», руководителем своей группы в отделе теории. Но в то же время мечтал стать профессионалом-музыкантом, причем уже в области джаз-рока.

И вот свершилось чудо — «Арсенал» был принят на работу в Калининградскую областную филармонию. Я, не раздумывая, подал заявление об уходе по собственному желанию. Директор ВНИИТЭ Соловьев, бывший моим научным руководителем, счел мой поступок безумным. И выглядело это именно так. В возрасте 40 лет бросать профессию и уходить туда, где нет будущего, не имея музыкального диплома! Родители были в шоке. Тем не менее я отдал свою трудовую книжку в филармонию и наконец-то стал профессиональным джазменом.

— На ваш взгляд, что особенно вам удалось за последние годы?

— Этот вопрос поставлен так, что я волей-неволей буду выглядеть хвастуном, поэтому начну с того, что мне не удалось сделать. Прежде всего не удалось удержаться на телеэкране в качестве автора-ведущего программы по истории джаза. Не помогло ничего — ни спонсорские деньги, ни контракт. Наступило новое время для центральных каналов телевидения, и я оказался вне «формата», как, впрочем, и многие другие, уважаемые мной авторы программ, такие как Бэлза, Башмет... Моя передача «Джаз, рок и медные трубы» на радиостанции «Арсенал» просто потеряла смысл, поскольку сигнал у нее был настолько слабым, что ее мало кто мог слушать. Подготовка к каждой двухчасовой передаче занимала массу времени и сил, а отдачи почти не было. Так что пришлось отказать.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

С компьютером и саксофоном

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Зато удалось гораздо больше – выпустить немало альбомов в разных форматах, создать несколько новых программ для «Арсенала» и «Арснова Трио». Наконец-то выступил с симфоническим оркестром. Кроме этого – подготовил программы со струнным Квartetом имени Шостаковича и с «Твинз»-квartetом, а также с Мужским еврейским хором хасидской капеллы. Удалось выпустить на 32 СД-РОМах энциклопедию по истории джаза и начать серию «Инструменты в джазе», создать в интернете свой сайт. («Музыкальная лаборатория Алексея Козлова». – «НГ») Подготовить ряд лекций для тренингов школы менеджеров «Арсенал» по темам «Джаз и бизнес» и «Лидер и его личные качества». А главное, что мне удалось, – это найти, как мне кажется, свое лицо, свой звук, свой подход в современной музыке. Не заикнуться на всем «фирменном». Странно, но я не ощущаю себя ни виртуозом-исполнителем, ни даже играющим композитором. Я экспериментирую в некоем социомузыкальном пространстве при помощи своих проектов, в первую очередь – «Арсенала».

– Вы удивляете своей современностью. Обычно человек ваших лет с опаской косится на компьютер, а вы с ним – в дружбе и любви.

– Компьютер для меня – друг, товарищ и брат, но главное – помощник. Без него мне не удалось бы сделать почти ничего.

– Принимаете ли вы настоящее время? Или примиряетесь с ним, неизбежным?

– Принимаю его таким, какое оно досталось нам, со всеми его преимуществами и недостатками, но не смиряюсь, руки не опускаю. Лишь бы не повторились прошлые времена.

– Согласитесь, сейчас жизнь страшно ускорилась, в те же 60-е все происходило менее плотно и менее быстро, но более качественно, что ли. Я говорю о духовной практике, творчестве, etc. Ну да, тоталитаризм, но можно было найти лазейки и с друзьями на кухне... Пойди найди лазейки сейчас, когда во главе всего – деньги. Да и нынешняя власть в каком-то смысле будет жестче советской.

– Согласен с вами. В советские, постсталинские времена мы научились обыгрывать власти, используя их же демагогию, а также наметившуюся конфрон-

тацию между КПСС и ВЛКСМ. Джазовые кафе – «Молодежное», «Синяя птица» и «Аэлита», открывшиеся в начале 60-х в Москве под эгидой комсомола, послужили поводом для целого поветрия молодежных кафе по всей стране. Московские джазовые фестивали начиная с 1962 года – это заслуга МГК ВЛКСМ, от имени которого мы даже выезжали на международные фестивали. Вообще мы имели своих тайных поклонников в среде тех, кто как-то решал судьбу искусства. Это были своеобразные штрейкбрехеры, находившие способы воткнуть нас в эфир, помочь записать пластинку, попасть на страницы печати. Сейчас правила игры изменились. Даже имея большие деньги, невозможно обыграть тех, от кого зависят те или иные СМИ. Они свое дело знают, и никаких штрейкбрехеров там быть не может.

– Меня ужасает, что на сегодня мы – общество, лишенное идеалов. Никаких целей, кроме одной: жить сыто, «красиво» и весело. А что ужасает вас более всего?

– Сегодня мы имеем дело практически с цензурой нового типа, где идеология борьбы за власть слилась с экономикой борьбы за сверхприбыли. Такие

понятия, как «рейтинг» или «формат», – всего лишь отговорки. Все решают указания сверху и корыстные интересы рекламодателей. Поэтому практически исчезли из программ главных телеканалов целые пласты культуры – классическая музыка, джаз, рок, фанк и соул, авторская песня, этническая музыка и многое другое.

Изменился сам подход к формированию типов программ. Я на собственном опыте

знаю – единственная отдушина для интеллигенции. А так называемые простые советские люди, которых мы тогда называли жлобами, так жлобами и остались. Но в советские времена некоторых из них можно было уважать за убежденность в коммунистических идеалах (хотя к середине 80-х их почти не осталось), а оболваненных, трусливых конформистов мне было даже жаль. Больше всего я презирал хитрых, циничных и все

дорвавшихся до колбас и прочего дефицита. Они хохочут, а я с сожалением думаю о том, что ни они, ни их дети уже никогда не заинтересуются, кем же были Лев Николаевич Гумилев, Гайто Газданов, Уильям Моррис, Джон Колтрейн, Густав Малер, Шарль Бодлер...

– Назовите последнюю иллюзию, с которой вы расстались?

– Я расставался со многими иллюзиями за последнее постсо-

Очень болезненный процесс – расставание с мечтой о нормальном капитализме в России

почувствовал, как редакторы боятся выйти за рамки установленного формата. Исчезло все, что носит просветительский характер, все, что серьезно и позитивно. Преобладает отрицательная информация наряду с ура-патриотизмом нового типа, развлекаловка в форме бесконечных сериалов, многочисленных ток-шоу, а также обильный юмор, от которого берет тоска. Пока держится канал «Культу-

ра» – единственная отдушина для интеллигенции. А так называемые простые советские люди, которых мы тогда называли жлобами, так жлобами и остались. Но в советские времена некоторых из них можно было уважать за убежденность в коммунистических идеалах (хотя к середине 80-х их почти не осталось), а оболваненных, трусливых конформистов мне было даже жаль. Больше всего я презирал хитрых, циничных и все

дорвавшихся до колбас и прочего дефицита. Они хохочут, а я с сожалением думаю о том, что ни они, ни их дети уже никогда не заинтересуются, кем же были Лев Николаевич Гумилев, Гайто Газданов, Уильям Моррис, Джон Колтрейн, Густав Малер, Шарль Бодлер...

мечтой о нормальном капитализме в России. Он у нас какой-то кривой получается, большевистско-бандитского типа, и куда все это повернется, предсказать невозможно.

– Один известный француз сказал про роскошь человеческого общения, другой известный француз считал, что ад – это другие рядом. К чему склоняетесь вы?

– Одно не исключает другое, более того – если вокруг жлобский ад, то общение с единомышленниками особенно ценно. Хотя я в последнее время стал гораздо более терпимым к жлобству, если оно не агрессивно. В принципе невозможно быть абсолютным «не-жлобом». Все относительно, по отношению к кому-нибудь и я сам подчас чувствую себя жлобом. Так что никакого ада вокруг себя я не ощущаю и стараюсь просто радоваться тому, что имею.

– И последний вопрос: как вы относитесь к патриотизму?

– Я еще с детства, рассматривая и читая номера журнала «Нива», сохранившиеся у моей бабушки, стал тосковать по предреволюционной России и чуть было не сделался пассеистом, то есть человеком, уверенным, что в прошлом все было лучше. Это

и стало предпосылкой моего русского патриотизма, смешанного с антибольшевизмом. Постепенно я пришел к евразийской идеологии, а также к той форме патриотизма, когда ты ловишь в себе и в русских именно худшие качества, например лень, вороватость, хитрованство, склонность к пьянству и т.п., и пытаешься искоренить это. А хорошие качества русских вроде широты души и гостеприимства принимаешь как должное, не выпячивая, не подчеркивая их. Шовинизм начинается с «квасного патриотизма», когда утверждается, что русские – великая нация. Я могу согласиться, что русские – количественно большая нация. Но выпячивать себя в ряду других наций, имеющих свои преимущества и недостатки, – дело рискованное и не вызывающее уважения со стороны других народов, особенно малых. Слава Богу, закончилось время советского патриотизма, когда громко и ясно заявлялось на весь мир, что самая счастливая жизнь на Земле – в СССР. Современный российский патриотизм может образоваться сам собой, естественным путем, при условии открытости и абсолютной правды о том, что происходило с Россией в прошлом. ■